

СОКРАЩЕНИЕМ земного пути для гениального художника обычно наступает вторая, вообще новая, часто более подлинная жизнь — хотя бы в том смысле, что она бесконечная. Вот и сегодня, отмечая столетие кончины Федора Михайловича Достоевского, мы в этом убеждаемся. Так живы, так горячи его книги, так они волнуют нас, настолько сильно и непосредственно обращены к нам.

Листая книгу, которая зовется жизнью и творчеством Достоевского, я склонил свою голову перед этой вечной книгой. Перед моим взором проходят и те шестьдесят неполных лет, которые провел он на этой земле, и те сто полных лет, в течение которых он живет в нашей памяти, в памяти всего человечества. Бурным, овеянными страстями и борьбой вокруг его имени оказался первый век его посмертной славы.

Слава Достоевского безмерно велика во всем мире — на Западе и на Востоке. Его романы, мало сказать, читают на всех языках земли — по ним ставят фильмы, их переносят на театральные подмостки, они вдохновляют композиторов. Живопись — и та черпает сюжеты из его произведений, заимствует у него принципы композиции. По «Белым ночам» его сделан фильм о современной Италии (режиссер Висконти), а по «Идиоту» — о современной Японии (режиссер Куросава). Оба фильма великолены. В них наглядно показана человеческая общность. Однако вместе с тем чувствуется намерение то ли современный мир стилизовать под Достоевского, то ли Достоевского — под современный мир...

Федор Михайлович Достоевский начал свой литературный путь в качестве страстного приверженца натуральной школы, сплоченной вокруг Белинского. Его первый роман «Бедные люди», принесший ему широкую известность, был чрезвычайно высоко оценен Белинским.

Хотя Достоевский рядом с Толстым — величайший реалист своего времени, тем не менее он был реалистом особого толка. Недаром в свои поздние годы он назвал себя создателем «фантастического реализма». При этом имел в виду не какой-либо отрезок своего литературного пути, а весь свой литературный путь. И действительно, еще с первых своих шагов в литературе он чувствовал в себе влечение к изображению редчайших, исключительных, даже просто маловероятных, а только воображаемых сюжетов. Ибо, изображая такого рода истории, он удовлетворял требования своего дарования к проникновению в бездну человеческой души, вообще человеческого бытия.

Не могло быть, не было такой истории, которая положена в основание «Преступления и наказания», — убийство двух ни в чем не повинных людей человеком доброго сердца и неиспорченного ума. Это воображаемая история. Это мнимое убийство, совершенное Раскольниковым. Он и сам, Раскольников, не верит, что совершил его. Но все, что за этим последовало, реалистично до последней степени. Вся последующая история души Раскольникова — исследование заблуждений человеческого духа на протяжении всей его истории. Закономерно, что из шести частей «Преступления и наказания» лишь одна, первая, часть посвящена преступлению, остальные пять — наказанию. Этот роман — главным образом о наказании. И нет большего наказания для Раскольникова, чем то, что исходит от него самого. Оказавшийся в тяжелых жизненных обстоятельствах, он принял неверное решение о способе, каким можно выйти из создавшегося положения. Такова уж природа человеческого ума: освободив себя от должного самоконтроля, он способен зайти весьма далеко, вступая в конфликт со своей человеческой натурой, способен в какой-то момент взять верх над нею, но потом она

вызовет с него за это полной мерой.

Следующими крупными произведениями Достоевского после «Бедных людей» явились повести «Двойник» и «Хозяйка». Белинский резко осудил их. Достоевский ушел из его кружка. Но не куда-либо, а в кружок Петрашевского, прикнув к радикальному, революционному кругу — последовали арест, Петропавловская крепость, гражданская казнь, каторга, ссылка.

Вернулся Достоевский в Петербург десять лет спустя после ареста, в 1859 году, ему было уже 38 лет. Каторга и ссылка не сломили его духа, напротив, как раз в Сибири он духовно вполне определился. За последующие двадцать лет им созданы шесть величайших

лу злодеям, а побуждает сломанных людей вернуть себе человеческое достоинство.

С годами намечается все возрастающая у Достоевского страсть к изучению русской действительности, но вместе с тем к проблемам всемирной истории. Каждый герой его романа своей мыслью вписан во всю всемирную историю. Тот же Раскольников рассуждает о Наполеоне и Магомете, как о своих современниках. За убийцей — Раскольниковым — «идеальный человек» князь Мышкин, это как бы рентгеновский луч, делающий столь очевидным зло современного Достоевскому мира, губящее людей, однако и творимое людьми.

Так один роман Достоевского

КНИГА ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

романов — «Записки из Мертвого дома», «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Да еще множество других произведений — повестей, рассказов, литературно-критических и публицистических статей.

Нелегко ему было утвердить свое место в сложной общественно-литературной обстановке шестидесятых годов. Каждой стороне он хочет отдать, да и отдавать должно, не соглашаясь окончательно ни с одной, вступая в полемику сразу со всеми. Он спорил с людьми тем горячее, чем более считался с ними. Ему-то уж излишне было напоминать, что только в споре истина рождается. Может быть, наиболее острый спор был у него с самим собою. Он действительно, как сказал о нем Толстой, «весь в борьбе». Потому что не настаивает на окончательности каких-либо своих выводов.

Слава Достоевского росла как-то подспудно. На торжествах по случаю открытия памятника Пушкину летом 1880 года в Москве Достоевский затмил своей речью всех, кто выступал до него. Это было за полгода до смерти Достоевского.

Лев Толстой, перечитав «Записки из Мертвого дома», писал Спиркову, что не знает ничего лучше этого произведения во всей русской литературе, «включая Пушкина». Достоевский, конечно, обрадовался этой похвале, однако твердо сказал, что Пушкин навсегда останется величайшим из русских писателей.

«Записки из Мертвого дома», по силе воспронизания страданий человека напоминающие дантевский «Ад», выводят, однако, и образы злодеев чистой воды. Это Орлов и Ганзин. Они злодействуют ради злодейства, получая наслаждение от злодеяний. А все от того, что среди окружающих видят людей, мало сказать, слабых и беспомощных — в полном смысле ничтожных, своего рода «тварей дрожащих». На презрении к ним и базируется злодейство Орлова, Ганзина и князя Валковского из ранее написанных «Униженных и оскорбленных». Достоевский отнюдь не поет хва-

го, не решив поставленной проблемы, передает ее следующему роману, который также не находит окончательного решения ей.

В последних своих двух романах, в «Подростке» и в «Братьях Карамазовых», в смысле их центральных героев, Версилова и Ивана Карамазова, Достоевский делает как бы шаг назад, приближая их к Раскольникову. На самом же деле в этих романах Достоевский сделал огромный шаг вперед, ибо в них суд над историей и современностью отсрочен на второй план анализ душевных переживаний главных героев. Оба романа превращаются в широчайшие повествования о современном Достоевскому мире, прежде всего, конечно, русском мире. «Подросток» воспроизводит ту же эпоху, что и «Анна Каренина» Толстого. Вначале роман назывался «Беспорядок» — прямая аналогия толстовскому роману с его лейтмотивным тезисом, что все перевернулось и неизвестно как уложится. А вот «Братья Карамазовы» направляются на сопоставление с «Войной и миром». То же — история поколений, те же — поиски синтетического героя, но, конечно, все это совсем другой разрез жизни, другой угол зрения на нее.

Достоевский точно формулирует мысль о сходстве и различии между собою и Толстым. Как себя, так и Толстого считает продолжателями дела Пушкина. Вообще всю русскую литературу своего времени возводит к пушкинским традициям. Из всей плеяды, к которой оба они принадлежали, Толстой, считает он, сказал больше всего своего в осуществлении пушкинских заветов. В Толстом получила наиболее яркое воплощение основная особенность русской литературы — ее подход к истории и современности с нравственной точки зрения. Разумеется, сам Достоевский при этом, в его собственном представлении, стоит рядом с Толстым. Различия между ними обусловлены различными аспектами освещения русской действительности, у того и другого, также и способов искажения ответа на основные вопросы о смысле бытия в национальном и всечеловеческом преломлении. Герой Толстого — дворянин, ищущий в себе оправдания перед крестьянской массой. Герой Достоевского — человек «случайного семейства».

Достоевский, как русский гениальный писатель, может быть правильно понят лишь как делавший общее дело со своими гениальными учителями Пушкиным и Гоголем, с другой стороны, со своими великими современниками, как Толстой и Тургенев, Некрасов и Салтыков-Щедрин, Островский и Гончаров, Белинский и Герцен.

И наша вечная благодарность ему.

Борис БУРСОВ.